

ИДЕЯ РЕКОНСТРУКЦИИ НАУКИ. СУДЬБА ГЕНЕТИКИ

В истории науки нашей страны есть немало открытий, обогативших не только отечественную, но и мировую науку. Но есть и трагические, позорные события, которые вкупе с пагубной идеей политизации науки отбрасывали ее назад, тормозили ее развитие. Таким событием и является, на мой взгляд, сессия ВАСХНИЛ 1948 г. Одной из своих исторических предпосылок она имела намечавшуюся еще в начале 30-х гг. «реконструкцию» науки. В резолюции совещания в Коммунистической академии, проходившего в конце 1930 — начале 1931 г. по вопросу «О положении на фронте естествознания» было указано на необходимость выполнения решения XVI съезда (1930) партии о мобилизации сил на достижение большевистских темпов социалистической реконструкции. «Эта перестройка, — записано в резолюции, — должна распространяться и на научно-исследовательскую работу в технике, естествознании и медицине... Мы должны перестроить формы организации науки и подвергать переработке самое содержание ее...»¹. Реконструкция предполагала отмежевание от «буржуазной науки» и перевод науки на позиции марксистской философии. Отмечу, что резолюция и «заключение бригады ЦК» подготавливались под непосредственным руководством культпропа ЦК партии и были рассчитаны, конечно, на длительную перспективу.

В 30-е гг. предпринимались разные попытки реконструировать науку. Одни из них (к примеру, то, что стало называться «упрощенчеством») были явно несостоятельными, другие, не афишировавшие на каждом шагу своих мировоззренческих ориентаций, но находившиеся в горизонте понятий марксистской философии (С.С. Четвериков, Н.И. Вавилов, А.С. Серебровский и др.) не принимались их научными оппонентами; их отвергали «с порога», считая их марксистскую принадлежность «маскировкой», подлежащей разоблачению. Так или иначе, но поставленную тогда задачу выполнить не удалось. Уже в 1932 г. руководитель ассоциации институтов естествознания Комкадемии, один из застрельщиков «реконструкции» науки Э.Я. Кольман признал: «Мы выдали векселя, что мы во всех областях науки произведем реконструкцию, что мы введем большевизм в науку, что мы перестроим ее на основе метода диалектического материализма, и эти векселя мы не оплачиваем или очень плохо оплачиваем»². Оказалось, что лозунг Сталина «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики» не подходит к такой «крепости», какой является наука. Призыв всемерно изучать науку был, конечно, справедлив, но требование перестраивать содержание науки оставалось неясным ни большинству ученых, ни тем, кто формулировал эту задачу.

Под «реконструкцией» понималась также перестройка политических позиций естествоиспытателей. После Октября 1917 г. большин-

ство естествоиспытателей были либеральными (или буржуазными) в политическом отношении. К середине 20-х гг. часть из них уже изменила свою социальную ориентацию и эволюционировала в сторону признания Советской власти. 30-е гг. с их репрессиями негативно сказались на политических позициях ученых. Многим не верилось, что шумная кампания по борьбе с вредительством в науке, сопровождавшаяся арестами и расстрелами, была борьбой с реальными врагами. Научная интеллигенция к концу 30-х гг. в своем большинстве оставалась в лучшем случае политически нейтральной, что не снимало и в 40-е гг. задачу по ее идейному завоеванию. И когда Сталин в 30 — 40-х гг. касался вопроса о «старых спецах», он, несомненно, имел в виду, что эти «специалисты» еще в массе своей «инакомыслящие». В требовании же ускорить реконструкцию науки можно было уловить некое предупреждение: перестройтесь побыстрее, иначе мы сделаем это сами. Так уж получилось, что к 1948 г. ученые подошли, не завершив социалистическую «реконструкцию» генетики.

Среди мифов, внедрявшихся в среду ученых (и не только ученых) тех десятилетий, был и миф о классовом превосходстве выходцев «из низов», «из трудового народа», которые, в отличие от эксплуататорского общества, при социализме способны быть лучшими учеными, творить чудеса.

Было распространено представление о разделении науки на «буржуазную» и «социалистическую». Если ученый имеет буржуазные (в политическом отношении) взгляды, то и все его научные построения, как экспериментальные, так и теоретические, тоже буржуазны; надо только быть повнимательнее, чтобы выявить эту буржуазность.

Таковы основные идеи, которые, на мой взгляд, явились предпосылкой дискуссии в биологии 1948 г. Они же пронизывали и большую часть выступлений в ходе этой сессии ВАСХНИЛ, да и действия властных структур по выполнению постановления этой сессии.

Еще до сессии ВАСХНИЛ жертвами политического режима в стране стали крупные ученые-генетики: Н.И. Вавилов, Г.К. Мейстер, Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитский, Г.А. Надсон, С.Г. Левит, Э. Бауэр, И.И. Агол, Л.И. Говоров, Н.С. Переверзев, Е.К. Эмме, К.А. Фляксбергер, Е.М. Плачек и др. Сообщество генетиков подошло к сессии с существенными потерями.

Организация самой сессии ВАСХНИЛ (31 июля — 7 августа) была странной и явно тенденциозной. Во-первых, сессия проходила в атмосфере секретности. Складывается впечатление, что ее скрывали, прежде всего, от самих генетиков. Н.П. Дубинин говорил: «Сессия проходила в строжайшем секрете; когда эта сессия началась, я был на далеких плесах реки Белой и находился в полном неведении». «О подготовке сессии ничего не знал президент Академии наук СССР С.И. Вавилов»³. На сессии академик ВАСХНИЛ Б.М. Завадовский

заявил: «Я считаю, что были не совсем нормальные условия организации сессии, ибо не было предоставлено достаточно возможностей для всех тех, кто зачислен по праву и, в особенности, не по праву в разряд вейсманистов-морганистов, подготовиться и иметь возможность свободно и полноценно высказываться. Достаточно сказать, что я узнал официально о том, что сессия состоится только 30-го июля»⁴. Впоследствии отсутствие основных представителей генетики послужило основанием для принятия санкций против них, к чему, например, в своем выступлении открыто призывал А.А. Авакян (поставить их вне «советской науки»). Во-вторых, неожиданным было пополнение состава академиков ВАСХНИЛ. До 1935 г. ВАСХНИЛ не имела академиков. Первая группа академиков (51 человек) была назначена постановлением СНК СССР (1935). По уставу в дальнейшем выборы должны были проводиться тайным голосованием на общем собрании академиков. К 1947 г. в результате арестов и естественной смерти число академиков сократилось с 51 до 17⁵. Лысенко просил увеличить число академиков и не выбирать их, а назначить по списку, им подготовленному. Всего за три дня до начала сессии в «Правде» появилось сообщение о постановлении Совета Министров Союза ССР от 15 июля (тогда Сталин был и главой правительства) о назначении новых членов ВАСХНИЛ. Так число академиков увеличивалось до 75 человек.

Резкое увеличение числа нужных академиков имело для Лысенко важное значение: перед тем, как предоставить слово в прениях, ведущий заседания произносил: «Слово предоставляется *академику*...». Всего выступавших академиков оказалось 25 человек. Почти все они восхваляли Лысенко, демонстрируя единство рядов лысенковцев и поддержку его научной концепции. Получилось, что сессия единодушно одобрила доклад и постановление; было ясно, что Лысенко имел цель при содействии власти провести не свободную дискуссию, а учинить разгром генетики, укрепив позиции так называемого «мичуринаского» (лысенковского) направления в биологии. Был организован мощный прессинг другого направления в науке.

Превалирующей темой дискуссии стала тема взаимоотношения науки и практики. Она пронизывала большинство выступлений участников сессии — почти все они стремились показать практическую значимость своего направления в биологии. У сторонников лысенковского направления и у сторонников классической генетики подходы к практике были разные. Последние отправлялись от того факта, что в обыденной практике наследственная изменчивость неуловима: селекционеры, как правило, опирались на личный опыт, на «гипноз очевидности». Один из первых отечественных генетиков Ю.А. Филипченко писал: «Становясь на точку зрения наследственности приобретенных свойств, Ламарк только оперся на одну из

несомненных для него, как и для многих других до Ламарка и после него очевидностей. А в науке нет ничего опаснее и труднее для опровержения, чем очевидность. Очевидность ведь и вращение Солнца кругом Земли, такая же очевидность и неизменяемость организмов в течение ряда веков, а сколько времени, труда, сил, даже человеческих жизней потребовали обе эти очевидности для своего опровержения! Наследственность приобретенных свойств для многих и теперь тоже своего рода очевидность, — поэтому-то так трудно разбить основы этого “гипноза очевидности”»⁶.

Большинство селекционеров было сторонниками Лысенко потому, что в свое время они не изучали классическую генетику, не знали работ Г. Менделя, Гуго де Фриза, Т.Г. Моргана, Г.Г. Меллера и больше полагались на традиционную народную агрокультуру, на опыт многих российских агрономов. Им импонировали упрощенные рекомендации Лысенко и его весомые обещания по поднятию урожайности зерновых культур.

Сравним «выход в практику» у Лысенко и у представителей теоретической генетики. У Лысенко к 1948 г. были очевидны некоторые успехи: разработана методика яровизации зерновых культур (так, если верить заявлениям сторонников Лысенко, в 1940 г. яровизация дала 15 млн центнеров дополнительного урожая), выведены засухоустойчивые сорта озимой пшеницы, повышающей урожайность стандартного сорта на 3 — 4 центнера с гектара и т.п. Некоторые из агроприемов Лысенко не отличались, правда, новизной — они были давно известны. Но несомненен и вклад Лысенко в эти методы и приемы, в их популяризацию.

Не столь были заметны на первый взгляд практические успехи сторонников теоретической генетики: к 1948 г. на их счету были высокие урожаи кукурузы (в США), были созданы антибиотики, в СССР хорошие результаты дали опыты по полиплоидии пшеницы. Не следует закрывать глаза и на действительную сложность, стоявшую перед руководством страны в тот период: было трудно решить, какое из направлений нужно было прежде всего поддерживать и в плане финансирования, и в плане подготовки кадров, ведь ресурсы у государства были ограничены. Ситуация осложнялась тем, что успехи каждой из сторон встречали опровержения с другой стороны. На сессии 1948 г. генетики были в явном меньшинстве, а их выступления (кроме, быть может, А.Р. Жебрака) были слабенькими и оборонительными. Между тем, на подобных форумах требовалась энергичная боевитость и умение доказать практическую эффективность генетики. У генетиков не оказалось лидера-организатора, не было нужной мобилизации сил, и это обошлось им слишком дорого.

Привлекает внимание изменение темы намечавшегося доклада. Первоначально на Оргбюро ЦК ВКП(б) планировалось в первой

половине июня 1947 г. заслушать доклад о деятельности академии; однако сроки передвигались. Был подготовлен (в ЦК) проект постановления. Он имел название «О мичуринском направлении в биологии». Чем была плоха эта тема? Она была наиболее адекватна и профилю ВАСХНИЛ, и задачам ее академиков, ведь прецедент уже был: в 1936 г. IV сессия академии была посвящена именно профильным для нее вопросам — селекции и генетике, а материалы этой дискуссии были опубликованы под названием «Спорные вопросы генетики и селекции». И было что обсуждать — в мичуринском направлении селекционеров уже было несколько школ, например, кроме Лысенко — школа Н.В. Цицина.

Тем не менее, секретарь ЦК партии А.А. Жданов⁷ изменил название темы доклада на иное: «О положении в советской биологической науке». Изменение темы — момент существенный. Тема определяет основное содержание доклада, направление его обсуждения, а главное — характер следствий, результатов дискуссии, с чем, между прочим, связан и вопрос о персональной ответственности за дискуссию. На мой взгляд, первоначально заявленная тема была наиболее адекватной для предстоящей дискуссии: она проходила не под эгидой АН СССР, что предполагало бы ее максимально открытый характер, особенно для генетиков и биологов, а также для физиков, химиков, математиков, а была ограничена лишь рамками агробиологии, причем — лишь одним из ее научных направлений — лысенковским; ее организатором была узкопрофильная (сельскохозяйственная) академия и группа селекционеров, возглавляемая Лысенко. Изменение темы дискуссии, причем, как обычно, в спешном порядке, обусловило ее серьезные недостатки, в том числе то обстоятельство, что на ней были представлены преимущественно сторонники лысенковской школы, в дискуссии преобладали выступления лысенковцев (в этом плане она уже перестала быть дискуссией, превратившись в форум с отчетами приверженцев одной школы). Таким образом, рассматриваемую дискуссию следует расценивать скорее как демонстрацию открытой поддержки Лысенко. Получилась невиданная в истории науки вещь: целую науку — генетику разгромили лица, в должной мере не компетентные в ней, зато действовавшие при «направляющей» и «вдохновляющей» роли власти.

Изменение темы дискуссии, можно полагать, было проведено А.А. Ждановым не без решающего участия Сталина, поскольку ничто существенное в таких вопросах, а тем более касающееся идеологических проблем, не проходило мимо него. Через Жданова и Сталина прошли материалы по творческой направленности деятельности композиторов и кинематографистов, по состоянию дел в философии (1947) и др. Настрой на идеологическую заостренность культуры был, естественно, перенесен и на науку, и прежде всего на биологию.

Не просто — на агробиологию, масштаб которой в сопоставлении с идеологией был не очень-то значительный, а именно — на биологию, причем даже не на «советскую» (что было ранее в названии), а на биологическую науку вообще (так стал называться доклад Лысенко — «О положении в биологической науке»). Замах, действительно, «мировой». Лысенко не был бы Лысенко, если бы отказался от предложенного ему первенства в «наведении порядка» в мировой науке. Ему становилось уже тесновато в границах агробиологии. Здесь его личные интересы опять совпали с интересами Сталина и Политбюро. Он воспользовался ситуацией (вместе с Презентом и др.), и воспользовался весьма ловко.

В соответствии с идеями проекта Постановления для Лысенко был подготовлен текст доклада. В бригаду для составления этого текста входили Презент, Столетов и некоторые другие. Предварительно (до сессии) с докладом ознакомился Сталин. Уже после сессии Лысенко свидетельствовал: Сталин «непосредственно редактировал проект доклада “О положении в биологической науке”, подробно объяснял мне свои исправления, дал указания, как изложить отдельные места доклада. Товарищ Сталин внимательно следил за результатами работы августовской сессии»⁸.

В работе сессии приняли участие около 700 человек (выступили 57 человек). Большинство выступавших заявляли о своей приверженности к «михуриновскому» учению, заверяя в следовании установкам Лысенко, резко критиковали генетиков («вейсманистов»), на примерах своих селекционных работ демонстрировали успехи михуриновцев и призывали к изменению подготовки кадров и в публикациях по проблемам биологии. Лишь несколько человек осмелились выступить с защитой основных положений генетики (И.А. Рапопорт, В.С. Немчинов, Б.М. Завадовский, А.Р. Жебрак, Н.И. Шмальгаузен, С.И. Алиханян). Они доказывали, что все идеологические обвинения современных отечественных генетиков в метафизичности и идеализме несостоятельны. Противники генетиков использовали недобросовестный прием: они критиковали не современную им, а незрелую, старую генетику, в которой многое было еще неясно и преобладали разные неподтвержденные гипотезы, в том числе и метафизического, идеалистического толка (например, автогенетические объяснения). Часто обвинения были вымышленными или ошибочными. В выступлении Шмальгаузена было показано, что обвинения его в автогенезе надуманы. Он заявил, что его работы не имеют прямого отношения к генетике. «Я вообще не генетик, а морфолог, эмбриолог, филогенетик». Выдержками из своих работ он опроверг нелепые, некомпетентные обвинения в свой адрес, обосновал положение, что источник изменчивости организма лежит во внешней среде, но специфика изменения определяется больше организмом, его конституцией, чем средой⁹.

Генетик и селекционер Жебрак демонстрировал результаты своих работ по экспериментальной полиплодии культурных растений. В этих опытах, как он показал важность того, что полиплоды получены в результате воздействий на наследственную основу таким внешним фактором, как колхицин. Факторы внешней среды специфически действуют на хромосомный комплекс клетки. Урожайность пшеницы зависит от количества хромосом в соматических клетках. Было выявлено, в частности, что 49-хромосомные гибриды малоплодовиты; повышение плодovitости прямо пропорционально восстановлению парности хромосом. Большинство высокоплодовитых форм балансируется вокруг чисел хромосом от 42 до 56. Только формы со сбалансированными числами хромосом являются нормально плодovitыми и представляющими интерес для дальнейшей селекции.

Большинство выступавших оставалось глухим к выступлениям тех селекционеров, которые опирались на данные теоретической генетики. В этом плане «дискуссия была «игрой в одни ворота». Цель таких выступлений формулировалась однозначно: надо было, как провозгласил профессор Н.В. Турбин, заведующий кафедрой генетики растений Ленинградского университета, «пересмотреть тематику генетических исследований, выполняемых биологами и научными институтами, и очистить эти институты от засилья фанатических приверженцев морганизма-менделизма»¹⁰.

Постановление сессии (оно готовилось в ЦК партии) гласило: «...в биологической науке определились два диаметрально противоположных направления: одно направление прогрессивное, материалистическое, мичуринское, названное по имени его основателя, выдающегося естествоиспытателя, великого преобразователя природы И.В. Мичурина; другое направление — реакционно-идеалистическое, вейсманистское (менделеево-моргановское), основателями которого являются реакционные биологи — Вейсман, Мендель, Морган». «До сих пор научно-исследовательская работа в ряде биологических институтов и преподавание генетики, селекции, семеноводства, общей биологии и дарвинизма в вузах основываются на программах и планах, пропитанных идеями менделизма-морганизма, чем наносится существенный ущерб делу идеологического воспитания наших кадров. В связи с этим общее собрание считает необходимым коренную перестройку научно-исследовательской работы в области биологии и пересмотр программ учебных заведений по разделам биологических наук... Одновременно с пересмотром программ должна быть организована работа по созданию новых, высококачественных учебников, по выпуску книг, брошюр, посвященных популяризации мичуринского учения»¹¹.

Постановление отвечало интересам агробиологов-селекционеров, причем лысенковского направления. Сессия явила собой пример эгоистического, узкокланового поведения группы лиц в науке, кон-

центрирующей лишь в себе (и для себя) политические ресурсы власти. А политики нашли еще один канал воздействия на ученых, используя самих же ученых.

Через два дня после сессии состоялось заседание Оргбюро ЦК партии. Были разобраны ее итоги и принято решение по кадровым вопросам. Был освобожден от обязанностей директор Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева В.С. Немчинов и вместо него назначен В.Н. Столетов, уволен с должности зав. кафедрой генетики А.Р. Жебрак и утвержден Лысенко.

Министр высшего образования С.В. Кафтанов в 20-х числах августа издал ряд приказов и распоряжений, по которым увольнялись конкретные носители реакционного «вейсманизма-морганизма» из МГУ, ЛГУ и других вузов. В одном из приказов предписывалось освободить от работы в Московском университете проводивших активную борьбу с мичуринским учением зав. кафедрой дарвинизма академика И.И. Шмальгаузена, зав. кафедрой динамики развития профессора М.М. Завадовского, зав. кафедрой физиологии растений профессора Д.А. Сабина, декана факультета С.Д. Юдинцева; освободить от работы в Ленинградском университете проректора Ю.И. Полянского, декана биофака М.Е. Лобашева, ряд профессоров и доцентов. Далее шли списки уволенных по Харьковскому, Горьковскому, Воронежскому, Киевскому, Саратовскому и Тбилисскому университетам. В другом пункте приказа говорилось: обязать главное Управление университетов и Управления кадров в двухмесячный срок пересмотреть состав всех кафедр биологических факультетов, очистив их от людей, враждебно относящихся к мичуринской биологии, и укрепить эти кафедры биологами-мичуринцами. Подобные приказы были изданы также по сельскохозяйственным, медицинским, педагогическим и другим вузам. Волна погромных приказов и распоряжений длилась несколько месяцев; такие приказы получили названия «кафтановские приказы». Идеологическая кампания захлестнула и академические учреждения. По итогам сессии президиум АН СССР в конце августа принял решение: 1. Освободить академика Л.А. Орбели от обязанностей академика-секретаря Отделения биологических наук. Ввести в состав Бюро Отделения академика Т.Д. Лысенко. 2. Освободить академика И.И. Шмальгаузена от обязанностей директора Института эволюционной морфологии животных им. В.Н. Северцова. 3. Упразднить в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии лабораторию цитогенетики, возглавляемую членом-корреспондентом Н.П. Дубининым. Закрывать в том же институте лабораторию ботанической цитологии. Ликвидировать лабораторию фенотипа.

Вслед за этим решением последовали другие указания, в числе которых — требования пересмотреть не только те учреждения, где сконцентрировались «гнезда формалистов», но и выявить отдель-

ных морганистов по всем учреждениям Отделения биологических наук АН СССР. По стране было уволено с работы около трех тысяч ученых-биологов. Часть ученых вообще стали безработными. Другая часть перешла работать не по специальности, некоторые устроились в лысенковские организации, будучи вынужденными сменить профиль своих научных исследований.

А.Р. Жебрак, отчисленный из Тимирязевской академии, исключенный из партии, стал профессором ботаники Лесотехнического института, затем работал в Фармацевтическом институте. Н.П. Дубинин с 1949 г. до середины 1955 г. работал орнитологом в лесозащитных полосах. В.П. Эфроимсон подвергся аресту за якобы антисоветскую деятельность, был в ссылке, затем работал библиографом в библиотеке, в отделе информации Института вакцины и сывороток. У известного генетика С.С. Четверикова произошел сердечный приступ (инфаркт). Профессор МГУ Д.А. Сабинин, не выдержав травли, в 1951 г. застрелился. Факты тяжелого положения ученых-генетиков после сессии можно умножить. Помимо бедствий, обрушившихся на людей науки, на их судьбы, перекрывались возможности для публикаций, для организации встреч, дискуссий. На нелегальном положении находилось даже слово «ген», а мушку-дрозофилу, согласно приказу, предписывалось в лабораториях уничтожить (вероятно, как «классового врага»). Уничтожались приборы, при помощи которых ставились эксперименты, закрылись все учреждения, где проводились научные исследования по генетике. К прямому следствию сессии можно, наверное, отнести и прекращение работ по созданию в Москве Института генетики, ориентированного на классическую генетику. Он должен был стать противовесом Институту генетики, руководимому Лысенко. К его руководству намечалось привлечь кого-либо из крупных генетиков — Жебрака или Дубинина. Была остановлена и запрещена всякая научно-исследовательская работа по генетике.

Общий итог сессии ВАСХНИЛ подвели специалисты:

В.Н. Соيفер — окончил Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, генетик, биофизик, историк науки, на обширном документальном материале исследовал историю дискуссии в биологии в СССР 30-х — 40-х гг.; его заключение: «Русская генетика, дававшая образцы великолепных исследований, признанных во всем мире, прекратила свое существование»¹².

Р.Л. Берг — генетик, эмигрировавшая из СССР; она заявила: «В 1948 году генетика прекратила свое существование»¹³.

Н.П. Дубинин: «В 1948 году работы по экспериментальной генетике были полностью прекращены, кадры и учреждения были полностью разгромлены»¹⁴.

К аналогичному заключению приходят и другие исследователи, например, философы И.Т. Фролов, А.П. Огурцов, В.П. Филатов.

Невольно встает вопрос о мере ответственности тех или иных лиц за трагедию генетики. Большинство исследователей возлагают вину на Сталина и Лысенко. Считают, что глава партии вряд ли мог расправиться с генетикой без Лысенко, без него не было бы никаких сессий ВАСХНИЛ. Можно указать на два письма Лысенко: одно на имя Сталина и Жданова (от 17 апреля 1948 г.), другое — на имя министра сельского хозяйства И.А. Бенедиктова (от 11 мая 1948 г.). Оба письма были написаны в связи с лекцией Ю.А. Жданова, в которой содержалась критика Лысенко. Он писал, что клевета, развернутая вейсманистами-морганистами, затрудняет его научную работу и мешает сельскохозяйственной практике. Далее говорилось: «Основная беда и трудность моей работы как президента заключалась в том, что мне предъявляли, по моему глубокому убеждению, неправильные требования — обеспечить развитие разных направлений в науке (речь идет не о разных разделах в науке, а именно о разных направлениях). Для меня это требование невыполнимо. Но и зажимать противоположное направление я не мог, во-первых, потому, что административными мерами эти вопросы в науке не решаются, и, во-вторых, защита неodarвинизма настолько большая, что я и не мог этого делать. Фактически я был не президентом Академии сельскохозяйственных наук, а защитником и руководителем только мичуринского направления, которое в высших научных кругах пока что в полном меньшинстве... Я могу способствовать развитию самых разнообразных разделов сельскохозяйственной науки, но лишь мичуринского направления, направления, которое признает наследование приобретенных признаков... Я был бы рад, если бы Вы нашли возможным предоставить мне возможность работать только на этом поприще»¹⁵. И более настойчиво Бенедиктову: «Для пользы сельскохозяйственной науки и практики прошу поставить вопрос об освобождении меня от должности Президента»¹⁶. Что-то в письмах правда, а что-то — лукавство, прикрывающее его прямой шантаж. Конечно, административные рычаги, к которым прибегал Лысенко, не приносили ему большой пользы. Но выставлять себя «нейтральным» в спорах — это явная ложь. Это доказала сама сессия ВАСХНИЛ. Лысенко ставил вопрос о закрытии критики в свой адрес, используя миф о том, что вейсманизм — «буржуазное учение», и что с ним надо расправляться. Он натравливал властные структуры на своих научных противников, провоцируя расправу с ними. Шантаж был явный, так как он знал, что его высоко ценит Сталин, по выражению которого, на Лысенко держится все сельское хозяйство страны, Лысенко — это «Мичурин сегодня». Лысенко завоевывал свой авторитет у власти многими своими «твердыми» обещаниями, зачастую, как оказывалось, не выполняемыми, а порой — и обманными. Вот пример: незадолго до «сессии-48» в декабре 1946 г. Сталин обратился к нему с предложением

нием проверить информацию об урожайности ветвистой пшеницы «Благодать». Она, казалось, обладала высокой урожайностью: в одном колосе насчитывалось до ста зерен, а количество собранных зерен могло превышать количество посеянных в 30 — 35 раз. Но эта пшеница требовала особого ухода и особого посева, и через 3 — 4 высева у нее пропадала высокая урожайность. Лысенко знал о недостатках этой пшеницы, но скрыл это от вождя. Первый же высев в «Горках» в 1947 г. дал хороший результат, и Лысенко, зная о последствиях, сообщил Сталину в письме от 27 октября 1947 г., что в 1949 г. можно будет получить примерно 100 центнеров с гектара, а в 1951 г., засевая только 50 тысяч гектаров, можно будет иметь уже 500 тысяч тонн пшеницы. И далее, после ряда льстивых слов в адрес Сталина, Лысенко писал: «Смею утверждать, что менделизм-морганизм, вейсманистский неodarвинизм, это буржуазное метафизическое учение о живых телах, о живой природе, разрабатывается в западных странах не для целей сельского хозяйства, а для реакционных целей евгеники, расизма и т.п. Никакой связи между сельскохозяйственной практикой и теорией буржуазной генетики там нет. Подлинная наука о живой природе, творческий дарвинизм — мичуринское учение — строится только у нас, в Советском Союзе... оно детище социалистического, колхозного строя. Поэтому она [наука о живой природе]... так сильна, по сравнению с буржуазным лжеучением, что метафизикам менделистам-морганистам, как зарубежным, так и в нашей стране, остается только клеветать на нее, с целью торможения развития этого хорошего, действенного учения. Дорогой Иосиф Виссарионович! Если мичуринские теоретические установки... в своей основе правильные, то не назрела [ли] уже необходимость нашим руководящим органам сказать свое веское слово... Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь этому хорошему, нужному для нашего сельского хозяйства делу»¹⁷. Как мы видим, Сталин и «помог». В дальнейшем он простил Лысенко и обман с ветвистой пшеницей, так как попустительствовал открытому им «ученому из народа».

Приведенные тексты писем (а были и другие, аналогичные по сути), показывают, что инициатором натравливания власти на так называемых «вейсманистов-морганистов» являлся Лысенко. Применяемые им средства давления: прямо или косвенно заявлялось о возможности ухода с поста президента, указывалось на угрозу дезорганизации агротехнических работ в стране, об опасности нехватки продуктов питания для населения (в случае захвата руководства селекционной деятельностью вейсманистами-морганистами). Конечно, Лысенко нуждался в такой фигуре, как Сталин. Ему нужна была государственная и жесткая поддержка, так как без нее он не достиг бы высоких административных постов и не имел бы нужного авторитета среди сельскохозяйственных работников, среди агрономов-практиков.

Не нужно забывать и о роли президента АН СССР С.И. Вавилова, который был лицом, ответственным в государстве за все, что происходило в науке. С.Э. Шноль в своей книге «Герои, злодеи, конформисты отечественной науки» отводит ему роль конформиста. Почему он остался как бы в стороне от сессии, когда она касалась судьбы целой науки? Разве он не знал о подготовке к ней, о замыслах ее устроителей, не предвидел серьезных следствий такой «дискуссии»? Почему он не препятствовал ненаучной клевете на генетиков, не вмешался в расправы над генетиками после этой «дискуссии»? Более того, на заседании президиума АН СССР в конце августа 1948 г. С.И. Вавилов поддержал курс ЦК на «преобразование» биологии. Он, в частности, заявил: «Биологическое направление становилось базой фашизма. С разрешения и одобрения Академии и Отделения биологических наук в лабораториях Дубинина, Шмальгаузена и других названная идеология была положена в основу экспериментальной работы»¹⁸. «Я считаю, что правильно будет освободить Леона Абгаровича (Орбели. — П. А.) от обязанностей академика-секретаря Отделения биологических наук... Необходимо также для обеспечения правильности идеологического руководства Отделения... ввести в состав Отделения академика Трофима Денисовича Лысенко»¹⁹. Сопричастность Президента Академии наук к трагедии генетики замечена и зарубежными учеными. Так, в письме Г.Г. Дейла, в прошлом председателя Лондонского Королевского общества, опубликованном в декабре 1948 г. и адресованном Президенту Академии наук С.И. Вавилову, содержалось уведомление об отказе от звания почетного члена этой академии. Дейл мотивировал свой отказ возмущением той дикой расправой, которая была учинена над генетикой сессией ВАСХНИЛ. В письме прямо заявлено: «Ваша Академия теперь ответственна за тот ужасный вред, нанесенный свободе и целостности науки, под каким бы давлением это ни было сделано»²⁰. Возможно, нам известны не все обстоятельства и действия С.И. Вавилова.

В терминах теории причинности фактор «Сталин — Лысенко» есть «специфицирующая причина», а «С.И. Вавилов» — причина второго плана, «кондициональная причина». Общая ориентация руководства Академии наук позволила состояться этой трагедии.

Распространено представление и о причастности философии и философов к трагедии генетики. Это миф. О философии достаточно сказать, что она также ответственна за происшедшее, как, допустим, статистика или наукометрия. Это — лишь средство, к которому прибегают (или, по мере надобности, фрагментарно используют) самые разные специалисты. То, что лысенковцы постоянно ссылались на философию, ни о чем еще не говорит: известно, что «даже Сатана может цитировать “Священное писание” в своих интересах». Никто не может показать, что в ней самой содержалось обоснование необходимости устранения из жизни науки одного из направлений

исследования природы. Ее просто использовали в своих интересах и та, и другая сторона (иное дело — как). Что касается ответственности философов, то значительная часть их, как показано в исследованиях, уже была к тому времени погублена тоталитаризмом. По-видимому, речь идет только о 1948 г. На сессии выступали двое — М.Б. Митин и З.Я. Белецкий. Последний критиковал вейсманизм-морганизм, защищал лысенковские взгляды, подчеркивал, что мичуринская биология основывается на принципах диалектического материализма. В этом выступлении не было ничего нового в философском плане. Во всяком случае, оно не выделялось из общего хора выступлений лысенковцев. А разве может «пустота» служить причиной срыва лавины с горы? Митин? О его квалификации как теоретика-философа я уже имел случай писать (Философские науки. 2011. № 8). Он достиг звания «философ» не имея за спиной ни кандидатской, ни докторской диссертации, как не имел научной степени и Белецкий (кстати, они оба не имели ни одной монографии по философии). В числе философов иногда называют И.И. Презента и Э.Я. Кольмана, но эти люди — не профессионалы философии (первый — юрист по базовому образованию, второй — с незаконченным математическим).

Почему-то почти молчанием обходится роль философов из аппарата ЦК партии. Довольно-таки солидную информацию мы встречаем, наверное, только у Соифера. Он пишет: «И в среде высшего руководства страны, а не только среди ученых, были люди, которые с настороженностью относились к предложениям Лысенко, сменявшим друг друга, но не приносившим реальной пользы. Сейчас можно говорить с уверенностью, что недолюбливал Президента ВАСХНИЛ секретарь ЦК партии по идеологии Андрей Александрович Жданов, резко отрицательно относился к деятельности Лысенко руководитель Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Георгий Федорович Александров. Серьезные шаги по исправлению сложившегося в советской биологии зажима генетики, начиная с 1943 г., пытался осуществить заведующий Отделом науки Управления пропаганды и агитации ЦК партии Сергей Георгиевич Суворов»²¹. (Г.Ф. Александров — автор ряда крупных работ по философии. Его книга «История западноевропейской философии» (1945, 2-е изд. — 1946) была предметом всесоюзной дискуссии 1947 г.). С сентября 1945 до апреля 1946 г. в должности заведующего отделом сельскохозяйственной литературы Управления пропаганды и агитации ЦК партии работал А.Р. Жебрак, закончивший в 1929 г. Институт красной профессуры. Это был не только генетик, но и широко образованный философ. С декабря 1947 г. в аппарате ЦК стал работать Ю.А. Жданов, до того исследовавший философию науки под руководством Б.М. Кедрова в Институте философии. Разобравшись во взаимоотношениях разных направлений в биологии Жданов как заведующий Отделом науки

выступил накануне сессии (10 апреля 1948 г.) на семинаре лекторов обкомов и горкомов партии в зале Политехнического музея с лекцией на тему «Спорные вопросы современного дарвинизма». В лекции содержалась критика взглядов Лысенко и довольно уравновешенная оценка позиций генетиков. Лекция вызвала большой резонанс, что видно хотя бы по письмам Лысенко Сталину, А.А. Жданову и И.А. Бенедиктову. Спрашивается, каково было значение деятельности философов Г.Ф. Александрова и Ю.А. Жданова в решении судьбы генетики в 1948 г. в сравнении с выступлениями М.Б. Митина и З.Я. Белецкого? Насколько весомо было выступление Митина и сопоставимо ли оно с критикой Лысенко Ю.А. Ждановым? Я полагаю, что мнение о пагубной роли философов и философии в судьбе генетики несостоятельно. Все решал Сталин.

Можно графически представить теперь — в сравнении с мировым уровнем — развитие генетики. Возьмем две пересекающиеся под углом 90 градусов прямые — вертикальную и горизонтальную; примем в качестве биссектрисы прямую, исходящую из точки пересечения, за траекторию движения мировой науки (генетики); под мировой наукой будем понимать американо-английско-немецкую науку. Сопоставление с ней движения, или траектории, генетики в СССР дает нам прерывную линию: до середины 30-х гг. уровень, сопоставимый примерно с мировым, далее — начало спада до 1948 г., затем резкий спад до нулевой отметки (и движение по «нулевой», по горизонтали) примерно до 1956 г., затем небольшой подъем к середине 60-х гг., и — подъем, примем его примерно за 30 — 40 градусов по отношению к горизонтальной линии. На «нулевой» линии — никакой генетики, позднее — начало ее возрождения и относительно свободное развитие, но еще с большим отрывом от биссектрисы. Здесь, вероятно, можно учесть и какие-то «протуберанцы», «скачки» в сторону мировой науки за счет таланта отдельных ученых и крупных достижений научных коллективов. Траектория развития генетики с середины 60-х гг. в каждой точке или на каждом отрезке может рассматриваться как прогресс по отношению к предыдущим этапам, но в сравнении с постоянно увеличивающимся уровнем развития мировой генетики разрыв сохраняется или даже несколько увеличивается (за счет, прежде всего, более мощного, чем в России, финансирования производства генетических приборов, поддержки изобретений и т.п., что зависит от производственных возможностей стран).

Состояние и качество медицинской помощи в России и в передовых странах мира — сравнение далеко не в пользу нашей страны и отечественной генетики. Исследователи отмечают: мы не находим ни одного открытия в отечественной генетике за вторую половину XX столетия, которое бы увенчалось такой престижной наградой, как Нобелевская премия. В отличие от физиков, среди генетиков (как и

представителей медицины) их не оказывается. И, как справедливо указывается, будет неправильно хоть сколько-нибудь укорять российских генетиков в том, что они не смогли внести в эти годы существенный вклад в развитие мировой науки.

Итак, ущерб, нанесенный генетике, а по существу всей отечественной науке, несомненен. Кто-то считал, что сессией ВАСХНИЛ и последующими разгромными мероприятиями развитие генетики было отброшено на 20 лет, кто-то расценил этот срок излишне оптимистичным. Даже в 90-х гг. специалисты сетовали на медленное возрождение генетики: как пишет Н.П. Дубинин, «поколение, воспитанное начиная с 1956 г., за 35 лет работы не смогло поднять генетику до нужного уровня»²².

Мне не хотелось бы заканчивать на этой печальной ноте; и, хотя задача исследования дальнейшей судьбы генетики не входит в рамки статьи, я позволю себе сказать следующее. Возрождение генетики (с середины 50-х годов) все же началось. Оно было трудным по целому ряду причин²³. С 1941 по 1964 г., в течение 25 лет вузы и исследовательские институты, как правило, не готовили специалистов по генетике. Возник разрыв поколений. Руководящие кадры этого поколения в 1985 — 1990 гг. достигли в среднем 50-летнего возраста. Главной трудностью была малочисленность кадров и недостатки качества их подготовки. Все генетики 50-летнего возраста, руководители институтов и лабораторий не имели базового образования в области генетики. Они учились в средней школе и в высших биологических учебных заведениях во время господства школы Лысенко, изучая генетику после окончания вузов. Искреннее изменение точек зрения на наследственность, даже таких противоположных, как лысенкоизм и хромосомная теория наследственности, вполне возможно. Однако часто это было просто следование конъюнктурным обстоятельствам. Возрождение этой науки и создание ее нового научного и кадрового фундамента легло на плечи генетиков, не имевших базового образования в области генетики. Престижность генетики в период ее возрождения привлекла в ее ряды биохимиков, медиков, зоологов, агрономов и т.п., что снижало уровень разработки общей генетики, проблем молекулярной генетики.

В этот период в науке свершилось важнейшее открытие — была осуществлена (в 1953 г.) расшифровка структуры молекулы ДНК. В связи с испытанием атомного оружия особую актуальность обрели проблемы радиационной генетики.

Развитие науки требовало создания единого фронта биологов, физиков, химиков и ученых других специальностей в поддержку генетиков. В октябре 1955 г. в ЦК КПСС было направлено обращение ученых, известное как «Письмо трехсот». Его инициаторами были И.В. Курчатов и Д.В. Лебедев²⁴. Письмо подписали такие крупные ученые, как

М.В. Келдыш, Е.И. Тамм, Л.Д. Ландау, П.Л. Капица, Л.А. Арцимович, А.Д. Сахаров, Г.Н. Флеров, В.Л. Гинзбург, Б.Л. Астауров, И.А. Рапорт, М.М. Завадовский, В.Н. Сукачев, А.Р. Жебрак и многие другие. В письме характеризовалось тяжелейшее состояние генетики, ее необходимость для государства, вред, нанесенный науке, сельскому хозяйству и государству монопольным положением Лысенко. Предложено было провести важные, с точки зрения авторов, мероприятия по восстановлению научно-исследовательской работы по генетике и подготовке необходимых для этого кадров.

Историки науки считают, что этап возрождения генетики завершился к началу 90-х гг. Исключительно важными были слова Президента ВАСХНИЛ А.А. Никонова 24 ноября 1987 г. на совместном заседании АН СССР и ВАСХНИЛ: «Я уполномочен заявить, что современный состав Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина глубоко сожалеет, что в ее многотрудной истории имел место столь печальный факт, как августовская сессия 1948 г. Я уполномочен заявить, что современный состав ВАСХНИЛ осудил и отверг все, что связано с лысенковщиной»²⁵.

Итак, история явила нам отрицательный пример попытки «реконструкции науки». Как отмечает В.Д. Дудинцев в своей книге «Белые одежды», прошлое нередко заключает в себе следы пережитых тяжелых болезней. Мы обращаемся к истории, чтобы выработать в обществе социальный иммунитет к таким болезням.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «За поворот на фронте естествознания». Дискуссия на заседаниях президиума Комкадемии 23/XII-1930 – 6/I-1931г. – М.; Л.: Соцгиз, 1931. – С. 76 – 77.

² Вестник Коммунистической академии. 1932. № 1 – 2. – С. 19.

³ Дубинин Н.П. Вечное движение. – М.: Политиздат, 1973. – С. 273.

⁴ О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина 31 июля – 7 августа 1948 г. – М.: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1948. – С. 281.

⁵ Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929 – 1966). – М.: Книга, 1993. – С. 165.

⁶ Морган Т.Г., Филипченко Ю.А. Наследственны ли приобретенные признаки. – Л.: Сеятель, 1925. – С. 31 – 32.

⁷ Сойфер В.Н. Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 648.

⁸ Цит. по: Дубинин Н.П. Вечное движение. – С. 351.

⁹ О положении в биологической науке... – С. 413 – 414.

¹⁰ Там же. – С. 411.

¹¹ Там же. – С. 532 – 533.

¹² Сойфер В.Н. Власть и наука... – С. 593.

¹³ Берг Р.Л. Из воспоминаний генетика (Фрагмент из книги, опубликованной в Нью-Йорке) // Вопросы философии. 1993. № 7. – С. 98.

¹⁴ Дубинин Н.П. Избранные труды. Том 4. История и трагедия советской генетики. Философские проблемы генетики. – М.: Наука, 2002. – С. 236.

¹⁵ Сойфер В.Н. Власть и наука... – С. 632 – 633.

¹⁶ Там же. – С. 636.

¹⁷ Цит. по: Сойфер В.Н. Власть и наука... – С. 602.

¹⁸ Там же. – С. 682.

¹⁹ Там же. – С. 712.

²⁰ Дейл Г.Г. Письмо президенту Академии наук СССР // Медведев Ж.А. Взлет и падение Лысенко. – С. 189 – 191.

²¹ Сойфер В.Н. Власть и наука... – С. 578 – 579.

²² Дубинин Н.П. Избранные труды. Том 4. История и трагедия советской генетики. Философские проблемы генетики. – М.: Наука, 2002 – С. 298.

²³ Там же. – С. 298 – 299.

²⁴ См.: Из архива академика И.В. Курчатова / публикатор Р.В. Кузнецова // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. Кн. 2 / под ред. В.И. Кушцова. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 679 – 680; Сойфер В.Н. Власть и наука... – С. 801 – 805.

²⁵ Никонов А.А. Жизнь и деятельность Н.И. Вавилова // Вестник АН СССР. 1988. № 3. – С. 36 – 46.

Аннотация

В статье рассматривается попытка «реконструкции» науки, в частности, генетики. Раскрывается борьба двух научных направлений – сторонников лысенковского, так называемого «мичуринского» направления, и ориентированного на мировую науку. Приводятся данные, относящиеся к августовской сессии ВАСХ-НИЛ 1948 г., где произошел окончательный разгром генетики, идейным руководителем которого был Лысенко при прямой поддержке Сталина.

Ключевые слова: наука, генетика, селекция, реконструкция, репрессии, гибель научного направления.

Summary

The attempt to «reconstruct» science, in particular, genetics, is under consideration in the paper. The author exposes struggle of the two lines: the line by Lysenko, so called «Michurin's» one, and the line oriented to world science. The paper contains information relevant to the session of VASHNIL in August 1948, when Soviet genetics was routed by the party headed by Lysenko and supported by Stalin.

Keywords: science, genetics, selection, reconstruction, repressions, destruction of a school of thought in science.